

Светлана Переводчанская

Демократизация русского языка и разрушение стилистических категорий в начале XIX и XXI ВЕКОВ

Studia Rossica Posnaniensia 35, 195-206

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И РАЗРУШЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В НАЧАЛЕ XIX И XXI ВЕКОВ

DEMOCRATIZATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND DESTRUCTION
OF STYLISTIC CATEGORIES
AT THE BEGINNING OF THE 19TH AND 21ST CENTURIES

СВЕТЛАНА ПЕРЕВОЛОЧАНСКАЯ

ABSTRACT. The process of language democratization happening in the broad context is culture democratization. This process often manifests itself in the attempt to release from strict, rigid norms. Stylistic confusion leads to appearance of synthesis, harmony of the middle style. The middle style appears as an invariant of styles, as “a substratum of a new literary language”. The quest for creative expression forms is provided with the aspiration to choosing expressive linguistic means. Phenomena of barbarization, vulgarization, deliberate pun verge on abnormality, opposition *norm* ↔ *non norm*.

Светлана Переволочанская, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород – Россия.

Процесс демократизации языка, протекающий в более широком контексте демократизации культуры, общества, часто выражается в попытке освобождения от строгих, жестких норм. Начало XIX века явило национальный гений Пушкина, в котором совершилась уникальная языковая, культурная, художественная эволюция в предельно сжатые сроки. К началу XIX века сложился дисбаланс: накопленный информационный ресурс оказался необеспеченным языковыми формами его хранения. Старые формы потеряли свою привлекательность по причине того, что они не могли справиться с энергетической емкостью новых содержательных единиц. Потребовалась такая система знаков, которая способна была бы вместить новый семантический материал.

Потребность в семантическом расширении языкового знака в XIX веке в пушкинскую эпоху предопределила необходимость выхода за рамки закрытой системы классицизма, накладывавшего канонические ограничения на творческую инициативу поэта, и создание открытой художественной системы, где проповедуются *парнасский афеизм* – „ниспровержение всех жестких

ограничений, предписаний, обязательных правил, указующих движение творческой мысли»¹.

Стилистическая парадигма реализует себя в выработке среднего стиля в литературном языке. Именно XIX век обнаружил значительный эмоциональный перепад между стилистически неоднородными пластами (*высокий стиль* ↔ *низкий стиль*), для устранения которого требовалось создание некоего стилистического инварианта, способного нейтрализовать „высокопарность” высокого слога и „просторечность” разговорного пласта.

Складывание этой гармонии имеет многовековую историю и предысторию развития русского литературного языка. Этот долгий путь, по сути, есть непримиримая борьба между двумя стилистическими стратами *высокое* – *низкое*, которая и привела к колоссальным сдвигам в языке в результате снятия огромного эмоционального перепада между полярными стилями. Данный тезис свидетельствует о том, что все языковые единицы есть стилистические средства выражения, результат индивидуальной духовной деятельности.

Развитие языка есть объективный процесс, который творится конкретными личностями. „Языковое выражение возникает в результате индивидуальной деятельности, но оно утверждается, если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют либо бессознательно, т.е. пассивно, либо точно так же творчески, т.е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие”². В каждой точке языкового развития создается некий творческий микрокосм – индуцирующее поле созидающих личностей. Мера их языкового дарования неодинакова, поэтому и степень их влияния на развитие языка разная. Здесь важно понять то, что их „лингвистическое воздействие” осуществляется не прямо, а опосредованно, через творческий континуум, где языковая стихия организуется по полевому принципу. Центральное место в этой творческой галактике занимает наиболее значимая по силе таланта, по творческой интуиции фигура. Но она является таковой не сама по себе: ее значимость складывается именно в этой системе координат, относительно других „звездных тел”. Чем ярче и крупнее последние, тем гениальнее и масштабнее творец, стоящий в центре микрокосма. Эта центральная фигура управляет центростремительными и центробежными силами в данном языковом поле. Индуцирующая энергия поля порождает личность, она в силу своей особой творческой гениальности создает такую новую творческую энергию, которая определяет дальнейшее языковое движение вперед. В качестве точки отсчета на исторической оси выберем фигуру А.С. Пушкина. Ретроспективный и перспективный взгляд от намеченной вехи

¹ Б.С. Мейлах, „...сквозь магический кристалл...”: пути в мир Пушкина, Москва 1990, с. 34.

² К. Фосслер, *Эстетический идеализм. Избранные работы по языкознанию*, Москва 2007, с. 36.

дает весьма интересную картину языкового прогресса. В ретроспекции развития русского языка до Пушкина можно выделить следующие исторические и индивидуально-авторские вехи:

- **XI–XIII вв.** Творческая эпоха, которую следует обозначить термином „своя античность”³, представленная в языке древнерусской литературы до-монгольского периода. Описание данной эпохи можно репрезентировать через нескольких значимых авторов, в чьем творчестве явлена только *робкая попытка* найти гармоническое согласие в стилистическом противостоянии (автор летописи *Повесть временных лет*, Владимир Мономах – автор *Поучения*, автор *Слова о полку Игореве*). В литературе этого периода слишком сильны были традиционные устои, выразившиеся в отчуждении высокого и низкого стилей. Эта бинарная оппозиция определялась языковыми канонами. Стилистическая норма довлела над автором-творцом, поэтому языковая (стили-стическая) инициатива не могла быть явлена.

- **Конец XIV–XV вв.** Обращение к своей древности – „древнерусской античности”. Языковая самобытность в этот период реализуется очень специфически: создаются подражания (*Задонщина*), превалируют своего рода реминисценции – редактируются летописные своды; обновляется жанр житий-ной литературы (агиограф Епифаний Пермский).

- **XVII в.** в языковом отношении может быть охарактеризован одной яркой фигурой протопопы Аввакума, автора *Жития и Бесед*;

- **XIX в.** обозначил себя явлением национального гения А.С. Пушкина.

Временные срезы, отражающие расцвет данных авторских стилей, указывают на наличие некоторой закономерности: каждая новая эпоха или „эпоха-автор” появляются с периодичностью *приблизительно в 200 лет*. Очевидно, в поступательном языковом развитии есть какие-то факторы, провоцирующие изменения длиной почти в два века: среди них не только собственно языковые, но и оказывающие опосредованное влияние на первые экстралингвистические факторы – социальные, исторические, культурные, эстетические и т.п. Но все они есть совокупное отражение специфики информационного развития общества, которое проходит стадии спокойного движения и фазы кризисного состояния.

Активная творческая работа языка по изысканию форм выражается в двух актах. Первый – это *упрощение*, осуществляющееся в движении от витиеватости высокого к простоте и ясности низкого. Второй акт реализуется в *ком-прессии* информационно-содержательного континуума. Такое сжатие невозможно совершить в рамках языкового знака, нужна единица большая по

³ См. Д.С. Л и х а ч е в, *Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого*, Москва–Ленинград 1962; его же, *Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили*, Ленинград 1973; Д.С. Л и х а ч е в, А.М. П а н ч е н к о, „Смеховой мир” *Древней Руси*, Ленинград 1976.

семантической глубине, с разветвленной стохастической структурой. Этим требованиям отвечает символ, увеличивающий глубину смыслового „контекста” слова. Эти процессы стали возможны лишь вследствие активного демократического движения в обществе.

„Высокий” всегда связан с абстрагированием: поиском общего, вечного в частном, единичном. Это приводит к обострению отношений внутри парадигмы *абстрагирование – конкретизация*, где со всей очевидностью усматривается связь с *высоким стилем – низким стилем*. Любое абстрагирование всегда определяется разной степенью отстраненности от реальности, от естественного течения жизни. В конечном итоге оно сводится к приведению к некоторой схеме, умозрительной конструкции, удаляющей от индивидуального, от реальной простоты. Такой абстрагированности подвергаются и эмоции, возвышенные и низкие, и это уже эмоции-схемы, так как они обладают „сусальной” возвышенностью. Конкретизация же предполагает глубину погружения в единичное, личное, интимную простоту. Это движение в обратную сторону. Здесь эмоции, и возвышенные, и низкие, всегда „эмоциональны”, экспрессивны: они искренни во всей своей „высокости” или неприглядности переживания. Естественно, что языковые средства выражения в системе данного противопоставления будут стилистически различаться.

Важным достижением XIV–XV вв. можно считать изменения *внутри самих стилей*: внутри высокого стиля под влиянием экспрессивности (сдержанной эмоциональности) происходит „интимизация”, снижение торжественности, появляется больше теплоты при всей литературной этикетности. Низкий стиль в своей попытке достичь глубины личного приобретает лирические черты, становится более поэтичным. Таким образом, через абстрактный психологизм, через экспрессивность стили начинают обнаруживать общее – субъективное начало, проявляющееся в том и другом стиле в разной степени.

Становится очевидным то, что два стилистических пространства на протяжении нескольких веков ищут возможность вступить во взаимодействие: высокая стихия, отчужденная, по содержанию отсылающая к сакральным смыслам, и низкая стихия, осязаемая, подпитываемая фольклорным материалом, народно-историческими традициями, то есть тем, что создано коллективным разумом. Практически до XIV–XV вв. высокое откровение со своей абстрагирующей тенденцией не находило точек соприкосновения с низкой, реалистической авторской экспрессией, так как автор был как бы в тени, выступал в качестве отстраненного наблюдателя.

Субъективность начинает прорастать в стилях и в течение последующих двух веков (к XVII веку) приводит к коренному перевороту в творческом, а впоследствии и в языковом сознании. Этот скачок произошел в результате медленного отслаивания от религиозной культуры. Автор находил возможным менять присущую герою социальную речевую этикетность, что приводило к расширению социальной тематики. За счет индивидуализации прямой

речи стала возможна и общая сниженность, позволяющая автору ввести в текст разговорные, просторечные и даже бранные выражения.

XVII век обозначил себя в литературе появлением *Жития протопопа Аввакума*, отражающего пограничное, кризисное состояние русского литературного языка, проявляющееся в противоречивом взаимодействии, но не смешении разнородных стилистических стихий (церковно-книжной и разговорно-просторечной). *Житие...* строится на параллелизме двух планов: библейского и бытового. Именно это обстоятельство приводит к использованию двух разнородных стихий – высокой и низкой. В тексте происходит их тесное взаимодействие, но оно не приводит к их смешению. В этом памятнике письменности превалирует высокая библейская традиция, которая пытается поднять до своего уровня низкий разговорно-просторечный пласт, хотя последний тоже пробует оказывать свое влияние на противоположную стихию. *Житие...* самым активным образом спровоцировало впоследствии изменение в системе стилистических страт. Сниженная просторечная эстетика становится стилистическим мировоззрением автора. Несмотря на то, что язык *Жития...* пока рыхлый, стилистически еще не выстроенный,

Аввакум обнаруживает поразительный талант стилиста. Он владеет „русским природным языком” с какой-то особенной свободой и гибкостью. Одна из причин этого в том, что Аввакум ощущает себя не пишущим, а говорящим⁴.

Категория воли автора реализуется на всех языковых уровнях. Именно она и обуславливает *стилистический стержень текста*, т.е. энергию порождения некоторого единства. Авторская энергия, энергия слова протопопа Аввакума воплощается в речевой материи текста, делает возможным стилистическое взаимодействие.

Энергия стилистического взаимодействия прослеживается на фонетико-интонационном уровне (обилие восклицательных знаков, свидетельствующих о наличии особой интонации), на конструкциях экспрессивного синтаксиса, на подборе лексических единиц, которые обеспечивают динамическое восприятие фрагмента и придают ему оттенок разговорной сниженности.

Якоже фрязи пишут образ благовещения пресвятыя богородицы, чреватую, брюхо по колени висит, – во мгновения ока Христос совершен во чреве обретесе! // А Христа на кресте раздутова: толстехунок миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики. Ох, ох, бедныя! (*Беседа об иконном писании*).

Простейшим примером такого рода взаимоотношений может служить использование церковнославянских цитат, которые могут быть вполне рас-

⁴ А.М. П а н ч е н к о, *Литература второй половины XVII в.*, [в:] *История русской литературы X–XVII веков*, Москва 1980, с. 431.

смотрены как прецедентные высказывания. Из сакрального языка „черпается традиционная фразеология, непосредственно направляющая религиозное сознание к знакомому церковно-библейскому контексту”⁵. Это высказывание воспроизводится в своем исконном виде или подвергается незначительной трансформации исходной цитаты, которая теперь уже есть чужая (книжная) форма выражения собственной („простой”, нейтральной) мысли.

Евангелие от Матфея. XXVII. 4

Согрешил я, предав кровь невинную.

В речи казацкого атамана Пашикова

Согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует бог!

Евангелие от Луки. XV.18

Отче! я согрешил против неба и пред тобою.

В речи Евфимия Стефановича

Прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою.

Данная фразеология, сталкиваясь с просторечием бытовой речи, теряет свою „высокопарность”, происходит ее ассимиляция с разговорной речью, она становится более демократичной. На фоне бесхитростно разворачивающейся речевой импровизации высвечивается библейская метафорическая символика. Это важный компонент семантической упаковки информационно-содержательного континуума, так как стилистическая неразрешенность не дает в полной мере развернуть всю мощь языкового таланта протопопа-хулителя. Сам Аввакум пытается быть оригинальным: с одной стороны, он использует готовые сакральные символы (например, образы змеи – символ мудрости, голубя – символ незлобивости), с другой, создает свои – „разговорные”. Например, лексема *бес* наделяется своим смыслом: ‘скоморох’, ‘драчун, скандалист’, ‘вор’. „Бился я з *бесами*, что с собаками”.

Разнородность языкового материала языка Аввакума пока еще плохо укладывается в стилистически не отлаженный механизм русского языка. Эмоциональная энергия, заложенная в аввакумовском тексте, не растворяется в собственной рефлексии, не обесцвечивается: язык пламенных проповедей протопопа преобразуется через „смеховую культуру”, „смеховой мир”, в котором в силу своей демократичности ярко ощущается определенный градус сниженности. В конечном итоге эта языковая работа связана с ликвидацией эмоционального зазора между стилистически неоднородными языковыми пластами. Изначально они находились в отношениях непримиримого противостояния. Сближение между ними становится возможным лишь тогда, когда начинается коренная перестройка внутри самих стилей, предполагающая выработку некоего третьего, нейтрального стиля, означающего прорыв, качествен-

⁵ В.В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.*, Москва 1982, с. 45.

ный скачок в развитии языка, которое происходит от стандартного, прямого выражения мысли к нестандартному, психологически изоциренному, ассоциативно сложному изложению мысли. Эта работа осуществлялась в рамках снятия эмоционального перепада между стилистически неоднородными стихиями (высокой и низкой). Данная бинарная оппозиция была реализована как теория трех стилей, где средний стиль выступал как позиция нейтрализации. При этом сами стили не подвергались ассимиляции. Их развитие всегда разумно уравнивалось либо расцветом специфических черт, либо нивелировкой особенного, индивидуального. Естественно, такое взаимодействие не могло не привести к снижению „высокопарности” высокого стиля и не могло не поднять на определенную высоту разговорно-просторечный пласт.

Этот процесс зародился задолго до М. Ломоносова в языке мятежного протопопы Аввакума, в котором он реализует свое право на простое „вьяканье”.

В языке А. Пушкина стилевой сбой приводит к появлению синтеза, гармонии среднего стиля. Результат этого – новое качество русского языка – система „в трех ее измерениях, представленная как соотношение языка – стиля – нормы”⁶. Таким образом, средний стиль выступил как инвариант стилей, „субстрат” нового литературного языка.

Этот процесс есть следствие демократизации языка, протекающей в более широком контексте демократизации культуры, общества. Пушкинский демократизм носит аристократический (дворянский) характер. Он *не строится* на приоритете упрощенности, идеализации простонародности. Признавая эту сторону, А. Пушкин не приемлет отказ от литературно-книжной традиции, не отвергает церковнославянского слога, не пренебрегает формами европейского мышления. Русским гением была предпринята попытка воссоздания иного смысла в геометрии собственного языка: проникнув в сокровищницу „чужих” смыслов, выраженных средствами чужого языка, он искал единицы своего языка для воплощения понятого, глубинного смысла, который кристаллизовался в концептах русского языка. Этот разнородный языковой материал, переплавленный в творческой лаборатории А. Пушкина, явлен нам как национальный, самобытный языковой конгломерат.

Состояние современного языкового процесса (XX–XXI вв.) продиктовано схожими процессами: новые информационные технологии предьявляют иные формы подачи языкового знания. Процессы глобализации и демократизации обостряют отношения внутри оппозиции „европейское – самобытное/исконное”, которая была всегда значима для русской культуры, для языка в особенности. Сущностным оказывается диалектическое взаимодействие внутри оппозиции. И дилемма разрешается в пользу обогащения национального языка. Судьба родного языка не может существовать изолированно, вне мирово-

⁶ В.В. Колесов, *Слово и Дело Александра Пушкина*, [В:] *Русский язык от Пушкина до наших дней*, Псков 2000, с. 19.

го процесса. Сам мировой процесс живет не только общим, но и специфическим, национальным, за счет чего он и обогащается.

В современном языке идет выработка комбинированного стиля, выражающегося в попытке освободиться от жестких, строгих норм официального языка. При этом используется весь арсенал средств общенародного языка от разговорной речи до социальных диалектов и просторечия, что и определяется как демократизация языка. Она протекает в условиях, когда классическая система трех стилей разрушена: в настоящее время отсутствует высокий стиль, связанный с церковнославянской стихией, а его место занял нормативный средний стиль. Общая картина свидетельствует о всеобщей сниженности. Последнее реализуется в языковых феноменах вульгаризации (вкрапления в речь жаргона и просторечия) и эвфемизации (интертекстуальность, языковая игра). Если пушкинский демократизм языка опирался на универсализм прекрасного, где эстетическая компонента была ведущей, то современный демократизм в языке еще только определяется в приоритетах – эстетически возвышенных или сниженных. Процесс брожения еще только начался. Как пишет Максим Кронгауз, в русском языке сейчас используется четыре „диалекта”: гламурный, бранно-бандитский, иностранно-заимствованный, интернетовский⁷.

Творческий нереализованный потенциал ищет креативных форм выражения, что всегда сопровождается стремлением к выбору предельно экспрессивных средств языка, которые могут стать „катализаторами гражданского разногласия”⁸. Явление варваризации в лучшем своем проявлении отражает не только стремление использовать готовую чужую единицу при невозможности обозначить какой-либо факт собственной единицей, но и стремление расширить семантические возможности своих лексических единиц. Это явление было активно как в языке А. Пушкина (он не проявлял резкого неприятия заимствованных слов), так и в современном языковом процессе.

Явление вульгаризации в рамках стилистической градуальности наиболее ярко отражают факты аномальности, связанные с противопоставлением *норма – не-норма*. Вульгаризация в языке А. Пушкина часто выступает как средство выражения оценочности: о поэте – *рифмач, рифмодей, парнасский бродяга, парнасский волокита*, о рифмах – *из мелкой сволочи вербу ю рать*, о качестве литературного произведения – *из муз наделать дам*, о полусветской женщине – *рублевая Киприда*, при обращении к своей жене – *женка/жонка* (ласкат.), о зрелой женщине – *княгиня Вера Вяземская, добрая и милая баба*, о Вревской – *бабенка*.

Такого рода семантические кодовые переключения в современном русском языке возможны в рамках языковой игры. Например, прием соединения

⁷ М.А. Кронгауз, *Русский язык на грани нервного срыва*, Москва 2008.

⁸ В.В. Колесов, *„Жизнь происходит от слова...”*, Санкт-Петербург 1999, с. 146.

слов, где происходит смешение их формы и значения, – бленды: *тискотека* (дискотека и тискать), *экстазм* (экстаз и маразм), *стервецкая водка* (стерва и „Стрелецкая“), *мэрзкое правление* (мэр и мерзкий)⁹, *мэру надо знать, фаршителиано*. Как пример языковой игры в пушкинской поэзии может быть рассмотрено шутивное употребление наречия, со значением 'плохо' (так, как бывает при чтении стихов В.К. Кюхельбекера): „*За ужином объелся я, А Яков запер дверь оплошно – Так было мне, друзья мои, И кюхельбекерно, и тошно*”. Аналогичное шутивное новообразование можно встретить в тексте письма, посланного из Кишинева, где поэт находился в ссылке: „*Здесь у нас молдаванно и тошно*”. Совершенно очевидно, что второе построено по модели первого.

Семантическая контаминация происходит в случаях, когда Пушкину, кроме номинации, требуется дать оценку при характеристике того или иного лица: *Улисс Лобанов* [Улисс и Лобанов Михаил Евстафьевич – писатель, драматург], *Аякс Федоров* [Аякс и Федоров Борис Михайлович – прозаик и стихотворец, журналист], *Языков-Нестор* [Языков Дмитрий Иванович – автор перевода работы А.Л. Шлецера *Нестор. Русские летописи*]. *Улисс* (латинская форма имени *Одиссей*) и *Аякс* ассоциативно объединяются причастностью к мифологическим преданиям, которые связаны с одним из эпизодов Троянской войны, – наследованием успехов убитого героя Ахилла (Ахиллеса).

Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора) (Из письма И.И. Дмитриеву).

Такого рода образования синкретичны, образуют тесное смысловое единство. Метонимический сплав – автор и его творение – содержится в именовании *бабочка-Филимонов*, обе части номинации представляют собой характеристику-оценку: „Бабочка” – название издававшегося В.С. Филимоновым журнала, по своему содержанию очень низкого качества.

Прецедентные высказывания (своего рода логоэпистемы) часто репродуцируются в современном русском языке, выступают как „самодостаточные единицы”, представляющие собой цитаты из песен, анекдотов, высказываний и др.: *Надо, Федя, надо // Светить всегда, светить везде!* (о проблемах энергосбережения) // *Столичный мэр пишет челобитную президенту*. В современном языке возможно ассоциативно-семантическое обыгрывание устойчивых сочетаний (поговорок, цитат из художественной литературы): *по Хуану и сомбреро (по Сеньке и шапка); конец – телу венец; маленькая рыбка лучше большого таракана; большому кораблю – большие плавки; автомобиль не роскошь, а средство от мозолей; А и Б болтали на трубе, А упало, Б пропало, И – служило в ФСБ; Буря мглою небо кроет вперемешку с русским матом*.

⁹ См. В.Г. Костомаров, *Языковой вкус эпохи*, Санкт-Петербург 1999.

Но в творчестве А. Пушкина можно обнаружить еще более яркие примеры прецедентных высказываний. Взятый поэтом из сакрального языка пасхальный призыв десакрализуется и превращается в языковое средство моделирования нового текста фривольного содержания: *Христос воскрес, моя Реввека! Сегодня следуя душой Закону бога-человека, С тобой целуюсь, ангел мой. А завтра вере Моисея За поцалуй я не робея Готов, еврейка, приступить – И даже то тебе вручить, Чем можно верного еврея От православных отличить* [В тексте отражена орфография А.С. Пушкина по ПСС]. Семантические сдвиги здесь происходят на базе метонимического переноса. Единицы приобретают статус метаморфирующего комплекса. В цитате может происходить замена родового признака видовым: Бог → Феб. *Во имя Бога* → *во имя Феба*; *молю Бога* → *молю Феба*; *рече безумный в сердце своем: несть Бога* (1 строка из 13 псалма Давида) → *реку в сердце своем: несть Феб*.

Качественная оценка в языке А. Пушкина может приобретать характер скандальности. В этих условиях особую семантическую значимость приобретают компоненты, на основе которых осуществляется трансформация устойчивых сочетаний. [О недобросовестности издателя Ольдеккопа] *„Ольдекоп, мать его в рифму, надоел! Плюнем на него и квит”* (Из письма П.А. Вяземскому). Видно, что рассматриваемый нами оборот представляет собой междометный способ выражения определенного эмоционального состояния автора. Эстетическая доминанта довлеет над Пушкиным, поэтому междометный способ выражения определенного эмоционального состояния выливается в эвфемистически выхолащенные единицы, за которыми ощущается маркированность – *грубое, бранное*.

В современном русском языке скандальность может перерасти в эпатажную агрессию. Нецензурная лексика проникает во многие сферы функционирования языка, где раньше она была недопустима, что свидетельствует о снижении эстетического и этического критериев языковой нормы. Но параллельно с этим развивается противоположный процесс: возрастает частотность использования единиц, стоящих за пределами литературного языкового поля, по причине снятия культурного табу на употребление такого рода лексики, а это приводит к „эмоциональному равнодушию”, происходит нивелировка ее экспрессивности, т.к. теряется такой семантический компонент бранного словаря, как непристойность. Тогда следует констатировать появление стилистической нейтральности у этой категории слов в русском языке.

Современные авторы сдвигают эстетическую компоненту в системе стилистических координат к нулю и далее, в зону „минуса”, поэтому не гнушаются лексическими единицами, экспрессивно ярко выраженными, но стоящими за литературной границей. Усиливается роль индивидуального начала. Интернет-порча – игры грамотных людей, интеллектуалов: *пазитиф, превед, „Жжошь, красавецг!” „Ржунимагу”*. В одном из высказываний интернет-потребителя предпочтение отдается ненормированной орфограмме *жы-шы*, потому что написание *жызьнь*, с его точки зрения, более энергично, чем *жизнь*.

Это „орфографическое хулиганство” тоже является частью процесса демократизации языка. Орфографическая нестабильность у А. Пушкина – следствие выработки и установления нормы. Орфографическая порча в современном русском языке – сознательное манипулирование нормой.

Итак, подводя итоги, отметим, что современная эпоха развития русского языка характеризуется избыточным разнообразием, которое есть следствие информационного дисбаланса. Гармонизации отношений еще нет: стилистический разнобой в рамках демократизации ищет выхода и диалектического завершения. Современную культуру постмодернизма можно охарактеризовать как „культуру легких касаний” (М. Эпштейн): происходит разрушение диалектического единства означающего и означаемого в знаке, которое приводит к накоплению образов, но без их глубокого осмысления (т.е. без означаемого). Очевидно, это свидетельствует о попытке выйти за рамки *знака* (его размеры оказались слишком малы для значимого информационного поля) и войти во вторую моделирующую систему – *символ*, где содержательные компоненты трансформируются в глобальную единицу – концепт.

В рамках данного исследования важно выделить базовые компоненты, через которые было осуществлено преодоление языкового раскола между культурами и через которые осуществляется связь между одновременными языковыми стилистическими пластами (Пушкин – современность).

1. Наличие информационного взрыва и попытка преодоления языковой дисгармонии через универсализм (через глубинные общие категории). Специфика пушкинского универсализма – универсализм прекрасного. Современный универсализм продиктован процессом глобализации.

2. Процесс демократизации языка, протекающий в более широком контексте – демократизации культуры, общества. Этот процесс часто выражается в попытке освобождения от строгих, жестких норм. Пушкинский демократизм носит аристократический (дворянский) характер: он не строится на приоритете упрощенности, идеализации простонародности, А. Пушкин не приемлет отказ от литературно-книжной традиции, не отвергает церковно-славянского слога, но и не пренебрегает формами европейского мышления. Современный демократизм в языке еще только определяется в приоритетах – эстетически возвышенных или сниженных.

3. Стилиевой сбой приводит к появлению синтеза, гармонии среднего стиля. Средний стиль выступает как инвариант стилей, как „субстрат нового литературного языка”.

4. Выработка стратегии неполного понимания через бесконечную смысловую валентность языкового знака. Пушкинское слово многомерно. Его смысловая бездна порождается отсутствием прямой номинации: ассоциативность пушкинского мышления позволяет заменить длинное описание одним сублимированным словом, не простым знаком, а символом. Ассоциативность

современного мышления обусловлена желанием в семантический каркас слова включить бесконечный информационный континуум.

5. Поиски креативных форм выражения, сопровождающиеся стремлением к выбору предельно экспрессивных языковых средств. Явления варваризации, вульгаризации, нарочитая игра со словом граничат с аномальностью, противопоставлением *норма* ↔ *не-норма*. Все эти явления – средство выражения оценочности.